

Михаил Андреев

ЖУРНАЛ ШАРШУНА

О «ПЕРЕВОЗЕ ДАДА» И «ЛЕТУЧИХ ЛИСТОВКАХ» ШАРШУНА

Во время моего короткого пребывания в Берлине летом 1923 года, мне случилось прийти на лекцию Андрея Белого. Вестибюль перед входом в зал, где должна была состояться лекция, был пуст, у кассы никого не было. Я заглянул в зал, но и в зале не было никого, хотя до начала лекции оставалось минут десять. Очевидно произошло какое-то недоразумение. Кто-то вошёл в вестибюль, и я обратился к вошедшему с вопросом, но и он не понимал в чём дело. Только на следующий день выяснилось, что лекция была отменена и извещение об этом, которого мы не заметили, было помещено в газете. Мы вышли на улицу и остановились, чего-то ожидая. Мой новый знакомый, ничего не говоря, вынул из бокового кармана и протянул мне, сложенный вдвое, небольшой листок бумаги.

— «Что это?»

— «Это моя листовка, мой журнал», — ответил Шаршун.

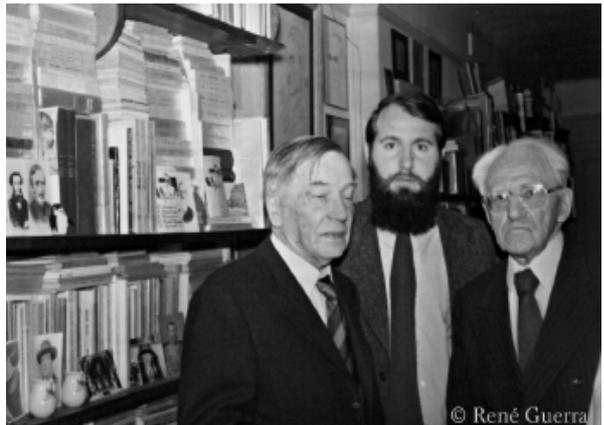
При свете уличного фонаря или у освещённой витрины магазина я развернул листок и прочёл одну фразу. Фраза заключала очень резкий отзыв, выпад против сербского языка. Сербский язык был охарактеризован одним неприемлемым для печати словом. Я стал читать дальше, но о сербском языке было всё высказано, говорилось о чём-то другом.

— «Вы жили в Сербии, вы знаете сербский язык?»

— «Вовсе нет».

Странный человек, — подумал я.

В тот момент я не мог предугадать, что в скором времени встречу Шаршуна в Париже, на Монпарнасе, в Ротонде, конечно. Не мог предугадать, что у нас надолго установятся добрые отношения, не омрачённые никогда ни неприятным разговором, ни неосторожно произнесённым словом, что в течение почти пятидесяти

М. Андреев и С. Шаршун у Р. Герра. Медон, 1972

лет я буду получать от Шаршуна такого рода листки, читать их и, по его просьбе, распространять их среди моих знакомых; наконец, что никогда больше я не найду в его листках ни одного вульгарного слова.

Но кое о чём я догадался тогда же.

В 20-х годах, в Петербурге, у моего земляка и приятеля Николая Бурлюка, младшего брата художников Давида и Владимира, я видел целый ряд книжонек малого формата, в несколько страниц, иногда с рисунками. Это были скромные издания поэтов и художников, которых объединяли тогда под общим названием «футуристы». Припоминается мне брошюрка с рисунками Ларионова периода лучизма — малого формата книжонка — заумные стихи Крученых и многое другое.

Шаршун, который в эти годы начинал свои занятия живописью в Москве, в частной школе живописи, видел, конечно, эти издания. Выпускать собственными скромными средствами, независимо от издателей, свои сочинения, свободно высказывать свои мысли, и самому, независимо от книжных лавок, их распространять среди хотя бы небольшого круга читателей — эта идея, видимо, пришла к нему по душе. Удивительно не то, что, уже находясь

за границей, Шаршун выпустил несколько «листовок» — так он сам называл эти издания. Удивительно, что он находил в себе охоту выпускать их в течение пятидесяти лет. Нерегулярно, иногда с большими перерывами, но никогда не покидая этого издания окончательно.

Нельзя вообразить более скромного с внешней стороны издания какого-либо литературного произведения. Ещё более скромного, чем издания футуристов. Листовка представляла собой сложенный вдвое листок. Бумага плохого качества — такого рода листки, рекламы какого-либо товара, часто раздаются на улице прохожим.

Каждая листовка имела своё заглавие; например: «Клапан» или «Перевоз». Есть и названия вовсе причудливые. Связи между названием и содержанием нет. Разве только иногда можно кое-что уловить.

М. Андреев. Портрет С. Шаршуна. Париж, 1944

Охарактеризовать содержание листовок несколькими словами невозможно — общей линии нет. Каждый писатель имеет записную книжку, куда вносит замечания по разным поводам, набежавшие мысли, отдельные фразы, в расчёте, что это может пригодиться и послужить для его литературной работы. Листовки Шаршуна более всего похожи на такую записную книжку, которую он без большого отбора преподносит читателю — пусть читатель сам во всём разбирается. Если что остается неясным — тем лучше. Читатель прежде всего должен быть удивлён новизной формы и содержания. Дальнее родство листовок с футуристическими брошюрками никогда не прерывается.

Отдельные, не связанные между собой, замечания, мысли, облечённые в форму изречений, прерываются иногда несколькими строками, где Шаршун рассказывает, например, как Стравинский при знакомстве с Шаршуном подал ему руку, ничего не сказав. «Голоса Стравинского я не слышал», — замечает Шаршун.

Можно без ошибки предположить, что и Шаршун не нашёл нескольких слов, которые он мог бы сказать Стравинскому. И тот тоже мог бы записать: «Голоса Шаршуна я не слышал». Мало понятно, в чём заключается интерес этого воспоминания.

В другой листовке такое же замечание об Исидоре Дункан. Где-то когда-то, она, будто, не проявила большого внимания к Шаршуну. Не помню, в чём было дело, но помню, что речь идет о каких-то совершенных пустяках. Во всяком случае, Айседора Дункан вовсе не помышляла как-то Шаршуна обидеть.

Ошибочно уязвлённое самолюбие, которое много лет спустя всё ещё ищет выхода. Надо приоткрыть «Клапан». Изредка среди таких разрозненных заметок вдруг вырывается меткое замечание или мысль, простая, но выраженная удачно найденными, удачно подобранными словами.

И вот мы входим в область литературы. Странная особенность этих листовок среди прочих странностей — Шаршун ни разу, насколько я помню, не упомянул о своих занятиях живописью, вообще, кажется, никогда не коснулся вопросов, связанных с живописью. Читатель не догадается, что эти записки написаны художником.

Эти листовки стоили Шаршуну больших усилий и забот. В самые трудные времена, отказывая себе в самом необходимом, он ухитрялся откладывать кое-что на печатание своих листовок. Если кому это моё замечание покажется преувеличением, сделанным для украшения, я замечу, что он ошибается. Так было в действительности.

Когда листовки были напечатаны, предстояла другая забота — найти читателя. Шаршун сам разносил свои листовки по домам своих знакомых, прибавляя несколько экземпляров для дальнейшего распространения, раздавал

их на литературных собраниях, часть отправлял по почте. Он пробовал давать свои листовки в книжные магазины, даже за границей. Листовки не продавались вовсе. Легко представить себе среднего читателя-покупателя, который в книжном магазине просматривает одну из листовок из пачки, лежащей на прилавке. Это не книга, не брошюра, не газета, цена грошовая, чтения всего на пять, десять минут. Покупатель прочитывает одну, две фразы и с недоумением кладёт листовку обратно на прилавок. Отношение читателей к листовкам было сдержанное, слегка снисходительное, как к забавному курьёзу. Шаршун это знал.

М. Андрееenko. Русский дом, Сент-Женевьев-де-Буа, 1994. Фото Ренэ Герра

Однажды Шаршун с горечью сообщил мне: «Ремизов (известный писатель) сказал, что лучше мне вовсе прекратить мои литературные занятия». В другой раз он сообщил мне: «Адамович (известный литературный критик) сказал мне — может быть, через сто лет найдётся издатель, который издаст ваши сочинения, и может быть, этот издатель найдёт пятьдесят читателей».

По мере того как Шаршун получал признание как художник и его материальные дела всё улучшались, расширялась и его литературная деятельность. Он выпустил несколько небольших, но опрятно изданных книжек своих небольших рассказов. Переиздал свою раннюю повесть: «Долголиков», которая, по общему мнению, является лучшим из всего им написанного. Адамович, который уже к первому изданию дал о ней одобрительный отзыв, написал теперь ко второму изданию небольшую статью, в которой отметил исключительное своеобразие этой повести. Эта статья

была единственной наградой Шаршуну за весь его литературный труд. Тем дороже была ему эта статья.

«Это оправдание всего моего труда», — сказал он мне. Он напечатал эту статью на листках и при случае показывал или раздавал своим знакомым. Это была, хотя и подписанная Адамовичем, последняя листовка Шаршуна.

Время шло. Однажды Шаршун, как обычно, принёс мне пачку своих листовок для распространения. На этот раз мне пришлось объяснить ему, что я не смогу раздать всех его листовок. Пять, шесть, не больше. За пятьдесят лет многое изменилось. Старый Монпарнас перестал существовать. Люди старшего поколения уходят. Круг моих знакомых всё суживается и суживается. Не могу же я раздавать эти листовки (на русском языке) кому придётся. Я знал, что огорчаю Шаршуна, тем более что он и сам, конечно, пришёл к таким же заключениям. Многолетнее издание должно прекращать своё существование, не находя больше читателя.

Что случилось с листовками Шаршуна? Едва ли кто собирал и хранил эти скромные листки. Возможно, что только в бумагах самого Шаршуна сохранилось полное их собрание.

О живописи Шаршуна будут писать, напишут кое-что и о его литературных, изданных книжками, работах. Но листовкам грозит полное исчезновение и забвение.

Было бы досадным пробелом, если бы в сборнике, посвящённом памяти Шаршуна, листовки, его любимый долголетний труд, не были бы вовсе отмечены.

Нельзя не остановиться с удивлением перед тем упорством, той настойчивостью, которые Шаршун проявил в деле издания своих листовок. Несмотря ни на какие трудности, не встречая ни малейшего одобрения, вопреки, казалось бы, всему тому, что мы называем здравым смыслом.

Движимый единственно своим внутренним побуждением
М. Андреевко

С 1922 по 1973 г. С. Шаршун периодически, с большими интервалами, издавал одностраничный журнал-листочку под разными названиями, сначала в Берлине, затем в Париже: «Перевоз Дада» Берлин, 1922–1923 гг. (№ 1–2 были отпечатаны, № 3 — рукописный). В Париже с апреля 1924 г. по 21 августа 1949 г. № 4–7 (отпечатаны), № 8 — рукописный, № 9–10 отпечатаны, № 11–12 опубликован в девятом номере «Чисел». (Париж 1933–1934 гг.) «Памятник» Париж, с 4.11.1949 г. по 5.07.1958 г. № 1–3, «Клапан» — декабрь 1958 г. по 19.01.1969 г. № 1–20. «Вьюша» 2.11.1969 г. по 17.01.1971 г. № 1–4. «Свечечка» — Париж 3.10.1972 г. по 17.05.1973 г. № 1–2. Составил Ренэ Герра.